

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8)EDN [ZPVQJZ](https://www.edn.ru/ZPVQJZ)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дождиков А. В.*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: antondnn@yandex.ru*

Для цитирования: *Дождиков, А. В.* Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 119–137. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8). EDN [ZPVQJZ](https://www.edn.ru/ZPVQJZ).

Аннотация. Предмет исследования – межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации в период получения высшего образования. Тема исследования – изменение миграционной привлекательности регионов для получения высшего образования. Гипотеза исследования: произошло изменение центров притяжения миграционных потоков и статуса регионов в рассматриваемые годы – в 2017 г., в 2020 г. и 2023 г. – по причине воздействия пандемии коронавирусной инфекции и мер государства по повышению привлекательности вузов в регионах. Исходные данные: официальные материалы государственной статистики за период с 2017 по 2023 г. В статье выявлены ограничения по использованию данного источника (миграция 18-летних и миграция 21-летних не тождественна прямой и возвратной образовательной миграции). Сформулирован тезис о необходимости использования агрегированных данных «цифровых следов» абитуриентов, выпускников и федеральных информационных систем. Проведена оценка изменения статуса регионов за 2017, 2020 и 2023 гг. Сделаны предположения о возможности использования инструментов объективного мониторинга межрегиональной образовательной миграции абитуриентов для совершенствования работы вузов. Необходимо сосредоточение усилий региональных властей региона-«донора» и регионального вузовского сообщества на получении сначала «транзитного» статуса для вуза и региона с последующим переходом в категорию «акцепторов». Для 2017 г. автором идентифицировано 12 «территорий-акцепторов», 59 «территорий-доноров», остальные относились к смешанным и промежуточным формам. В 2020 г. «доноров» было всего 30, «акцепторов» – 12, 37 вышли на условные «балансовые» позиции – так на межрегиональную миграцию повлияла пандемия COVID-2019. В 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось 12 «акцепторов» (перечень немного изменился), число «доноров» составило 46, «балансового» состояния достигла 21 территория, остальные по-прежнему относятся к промежуточным типам.

Ключевые слова: молодежная межрегиональная миграция, образовательная миграция, «доноры» миграции, «акцепторы» миграции, транзитные вузы, управление вузом, возвратная миграция

Введение

В современном мире высшее образование играет важнейшую роль в формировании конкурентных преимуществ региона. Молодежь, являющаяся ключевым активом в области инноваций и развития территорий, участвует в формировании образовательных потребностей, а при невозможности их удовлетворения в своем регионе – в выборе места для получения высшего образования, вовлекаясь в межрегиональную образовательную миграцию.

Развитие высшего регионального образования стимулирует приток студентов из других регионов и способствует обогащению культурного и интеллектуального потенциала местного сообщества. В свою очередь, увеличение числа студентов в вузах региона стимулирует экономический рост и поступление инвестиций.

Основная гипотеза исследования предполагает изменение центров притяжения миграционных потоков и статуса ряда территорий в 2020 и 2023 гг. по сравнению с 2017 г. по причине воздействия пандемии и мер государства по повышению привлекательности вузов в регионах, совершенствованию молодежной политики.

Результатом доказательства данной гипотезы стали два перечня регионов – улучшивших и ухудшивших свою миграционную привлекательность для молодежи с поправкой на экстраординарные события, связанные с пандемией COVID-19, и другие в том числе чрезвычайные обстоятельства. Это даст основу для более глубокого изучения за рамками данной публикации позитивных практик и успешной деятельности вузов, а также для выявления ошибок в планировании, низких показателей результативности и эффективности у второй группы регионов.

Отметим, что такой важный фактор как общий уровень экономической развитости региона, безусловно, влияет на качество образования, миграционную привлекательность региона, однако в ряде случаев при низких значениях он может быть скорректирован административно-управленческими усилиями вузов при поддержке региональных и федеральных органов власти. В перспективе за счет этих усилий регион может перейти из категории «донора» в «транзитный» статус или обрести пограничное «балансовое» состояние, затем претендовать на позиции «акцептора». Отдельная категория – «замкнутые» в плане межрегиональной образовательной миграции регионы (в первую очередь – национальные республики) с низкой востребованностью высшего образования за пределами и низким миграционным оттоком [1, с. 69]. Изучение специфики таких регионов требует отдельного исследования.

Эмпирическую базу научной статьи составили данные официального статистического наблюдения, которые создают общее представление о миграционных потоках в хронологическом разрезе и применительно к молодежи от 15 до 35 лет. Автор провел обработку материалов с преобразованием в сводные таблицы с последующей визуализацией данных в форме «тепловой таблицы» и графиков¹.

Информация по межрегиональной молодежной миграции собиралась по официальным данным Росстата с использованием «витрин данных» по потокам прибывших и выбывших². Оценивалась выборка за 2017–2023 гг. по субъектам Российской Федерации (по списку на 2017 г.), без детализации на муниципалитеты, городскую и сельскую местность. Анализировалась межрегиональная миграция по возрасту от 15 до 35 лет без разделения на пол и без идентификации причин миграции. Данные статистического учета прибытия и убытия имеют ограничение, связанное с тем, что не все переехавшие студенты встают на регистрационный учет. Соответственно информация не совпадает с формой «ВПО-1»³. Этот источник так же имеет

---

¹ Обобщенные материалы находятся в открытом доступе в репозитории // Github.com : [сайт]. URL: https://github.com/AntonDozhdikov/AntonDozhdikov/blob/main/mig_15-35_2017_23.xlsx (дата обращения: 21.08.2024).

² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

³ Высшее образование // Министерство образования и науки Российской Федерации : [сайт] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 21.08.2024).

ограничения: названо количество студентов из другого региона (можно определить долю образовательных мигрантов), но без указания «региона-донора».

Объективными источниками данных по образовательной миграции молодежи, включая количественные показатели и графы миграционных связей между регионами, могут быть объединенные агрегированные в региональном разрезе данные информационных систем итоговой государственной аттестации и приема в образовательные организации высшего и среднего профессионального образования⁴ при условии их публикации по аналогии с агрегированной информацией в формах «ВПО-1».

Обзор литературы

Образовательная миграция имеет немаловажное значение для развития России, в частности, несет как минимум четыре ключевых эффекта: социальный, политический, демографический и экономический, имеет сложную типологию [2]. В таком контексте межрегиональная образовательная миграция – в первую очередь «миграция выпускников 11-х классов школ, связанная с получением высшего образования» [3, с. 82]. Хотя к образовательной миграции, ассоциирующейся с поступлением в вуз, может иметь отношение и миграция семьи с обучающимися в 7–10 классах с целью последующего обучения в школах в «регионах-акцепторах» и поступления в вузы этих регионов.

Миграция всегда связана с «ростом социального неравенства» [4, с. 52] и «зависит как от традиционных центр-периферийных отношений внутри регионов и между регионами, так и от специфических факторов, влияющих на принятие решений о выборе места проживания» [5, с. 38].

Помимо самой миграции абитуриентов мы можем отслеживать и «возвратную миграцию», обусловленную «наличием в родном городе определенной инфраструктуры (прежде всего жилья) и социальных связей» [6, с. 36].

Классификация причин образовательной миграции из региона и причин остаться в регионе достаточно подробно разобрана в авторской статье «Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов» [7]. Десять факторов, оказывающих наибольшее влияние на показатель образовательной миграции, обозначены в коллективной работе «Образовательная миграция в регионах России: статистический подход» [8].

В 2020 г. количественные показатели миграции были сглажены пандемией: отмечено снижение востребованности крупных университетских центров при возрастании популярности высшего образования в вузах домашнего региона [9, с. 111], что прослеживается на графиках за 2020 г.

До недавнего времени для системы образования, как и в целом для общей миграционной ситуации в Российской Федерации, был характерен так называемый «западный дрейф» [10, 11], связанный с перемещением для получения высшего образования из восточных регионов страны в западные. В то же время деятельность

---

⁴ ФИС ГИА и приема // Федеральный центр тестирования : [сайт]. URL: <https://rustest.ru/fis-gia-and-reception/> (дата обращения: 21.08.2024).

государства по сокращению количества вузов и филиалов в предшествовавшее десятилетие способствовала снижению доступности высшего образования и увеличивала мотивацию к миграции молодежи.

Образовательную миграцию можно измерить, как и уровень привлекательности региона через показатели его социально-экономического развития. В некоторых исследованиях рассматривается зависимость показателя, характеризующего межрегиональную миграцию, от социально-экономических показателей регионов [12, с. 64]. Проблема взаимосвязи между эффективностью молодежной политики и миграционными потоками уже поднималась в исследованиях [13]. Как и вопросы индексной оценки эффективности реализации региональных государственных программ в сфере молодежной политики [14], так и вопросы эффективности самих вузов с помощью системы индексов и рейтингов [15].

Основной период интенсивной образовательной миграции молодежи приходится на возраст 18 лет и связан с получением высшего образования [16, с. 61]. Для России в целом характерны «пик» образовательной миграции 18-летних и второй сглаженный пик «возвратной» миграции в возрасте 21–23 лет после получения образования уровня бакалавра, магистра или специалиста, реализующих один из трех жизненных сценариев: возвращение в родной регион, обустройство на месте, дальнейшая миграция (в т. ч. образовательная). Здесь еще раз отметим, что данные федерального статистического наблюдения не связывают перемещения представителей молодежи в возрасте 18 и 21 лет с получением образования напрямую: вывод сделан по причине совпадения цикла обучения с данными и отсутствия иных массовых причин для перемещений для указанных возрастов.

Отдельный вопрос – это миграция молодежи из отдаленных регионов в высшие учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга [17]. Исследовали выделяли «доноров» и «акцепторов» образовательной миграции. Так, в конце нулевых годов текущего века г. Санкт-Петербург, Томская область, Новосибирская область, г. Москва, Свердловская область, Воронежская область, Красноярский край, Самарская область, Московская область однозначно относились к категории «акцепторов». Все остальные субъекты Российской Федерации [3, с. 87] принадлежали к категории «доноров».

Наиболее сильная положительная связь показателя образовательной популярности наблюдалась с такими параметрами, как вузовский рейтинг региона (0,74), число студентов на 10 тыс. населения (0,68), индекс развития человеческого потенциала (0,64), уровень культуры (0,63) и численность населения субъекта Федерации (0,63) [3, с. 88].

В упомянутом исследовании проведен анализ влияния социально-экономических факторов на показатель образовательной популярности. Установлено, что положительно влияют три фактора: уровень культуры региона, индекс развития человеческого потенциала и вузовский рейтинг региона [3, с. 89].

Обратим внимание на то, что показатели социально-экономического развития региона оказывают влияние на качество общего образования (коэффициент корреляции 0,7–0,85), и через качество общего образования – на выбор обучающимися

предметов для сдачи ЕГЭ, результаты ЕГЭ и на дальнейшую образовательную траекторию и образовательную миграцию⁵.

Нами предложены «промежуточные» категории субъектов: регионы-реципиенты или «акцепторы»; «регионы-доноры»; регионы смешанного или «транзитного» типа (уехавшие выпускники замещаются приехавшими); замкнутые (низкая интенсивность миграционных процессов) [1].

Другие исследователи вычленяют три территориально отличающихся образовательных кластера: «Столичный», «Южный» и «Сибирский», включающие в себя 27 регионов России из двух лучших по показателю образовательной миграции кластеров [8, с. 48] или три общероссийских и один субрегиональный центр студенческой межрегиональной мобильности: 1) центростремительный: Москва и регионы Центрального федерального округа; 2) северо-западный или регион «второй столицы»: Санкт-Петербург и близкие к нему географически регионы; 3) южный: Краснодарский край и его «спутник», Республика Адыгея; 4) сибирский: Новосибирская и Томские области [18].

В отдельный кластер выделены регионы, способные притягивать абитуриентов и закреплять у себя студентов после завершения обучения – Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Свердловская и Новосибирская области [19, с. 116].

Возможные к использованию методы исследования (в перспективе): изучение образовательной миграции с помощью данных социальных сетей [20] и «больших образовательных данных», таких как результаты ЕГЭ и данных по поступлению в вузы [21], анализ ключевых факторов влияния и кластеризация, установление связи с показателями популярности субъекта [8, с. 88].

Результаты и оценки

Проведенный анализ всех регионов Российской Федерации по данным зарегистрированных органами учета⁶ миграционных потоков 15–35-летних для периода времени 2017–2023 гг. показал изменения в ситуации по сравнению с периодом времени середины-окончания первого десятилетия XXI века и начала второго. В качестве иллюстрации: из числа «доноров» на позицию транзитного региона образовательной миграции вышла, например, Республика Мордовия [21].

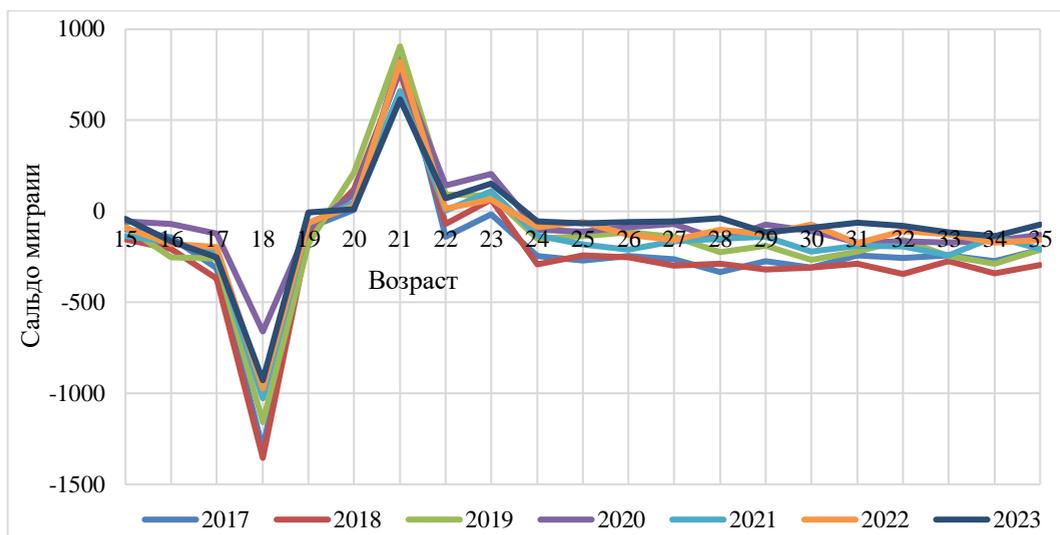
На приведенном ниже графике (рис. 1) для Кемеровской области⁷ виден «пик миграции» 18-летних и «возвратная миграция» 21–23-летних, ассоциируемая с окончанием обучения на уровне бакалавриата, специалитета и магистратуры, и, предположительно, возвращением в родной регион⁸.

⁵ Подробнее данные корреляционного анализа и выводы в отношении результатов ЕГЭ изложены в статье «К вопросу о рабочей модели модернизации Единого государственного экзамена для преодоления неравенства доступа к высшему образованию», готовящейся к публикации.

⁶ Регистрационные данные органов миграционного учета отличаются от данных ВПО-1.

⁷ В файле репозитория доступна информация по всем регионам Российской Федерации по списку на 2017 г., включая возможность построения как сальдированного результата, так и графика выбывающей и прибывающей миграции в разрезе 2017–2023 гг. и по возрасту от 15 до 35 лет.

⁸ Подтверждение такой гипотезы возможно на источниках данных, связанных с идентификацией причин миграции.

Рис. 1. График сальдо межрегиональной миграции по Кемеровской области
Fig. 1. Graph of the balance of interregional migration in the Kemerovo region

Источник: составлено автором по данным Росстата⁹

На основании этих графиков определяется тип региона, динамика изменений за три периода времени. Если Кемеровская область – классический «регион-донор», то обратная форма графика будет характерным признаком «региона-акцептора». В табл. 1 представлены изменения распределения регионов по статусам за 2017, 2020 и 2023 гг.

Таблица 1

Количество российских регионов по оценке миграционных потоков

Table 1

Quantity of regions of Russia based on migrant flow assessment

Тип региона	2017 г.	2020 г.	2023 г.
«Донор»	60	31	46
«Акцептор»	13	13	13
«Балансовый»	5	35	20
Другое	10	9	9

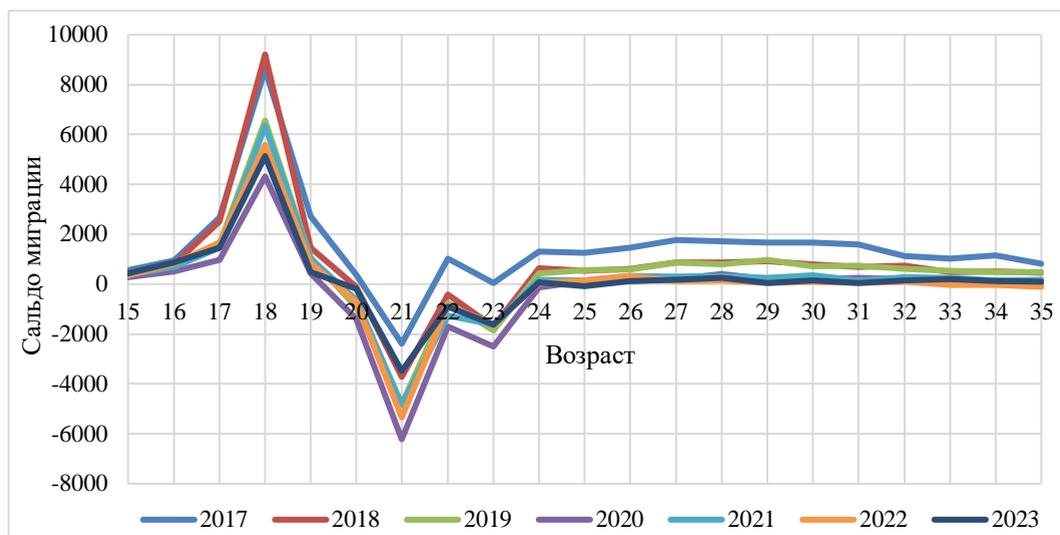
Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

Под «регионом-донором» подразумевается территория с устойчивым оттоком молодежи в возрасте 18 лет и характерным пиком «возвратной миграции» в 21 год. Пример «донора» приведен на рис. 1. Регион «акцептор» – регион с устойчивым пиком прибывающей миграции 18-летних и впадиной на графике для 21–23-летних по причине возвратной миграции. Альтернативное объяснение предполагает, что это могут быть и жители региона, родившиеся и окончившие вуз в этом же регионе, и

⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁰ Там же.

сразу после его окончания уехавшие в другой город. Используемые источники информации не дают возможность интерпретировать мотивацию и причины миграции – перспективными источниками данных здесь могут быть «цифровые следы» выпускников и выборочные опросы уехавших. Пример «акцептора» приведен на рис. 2.

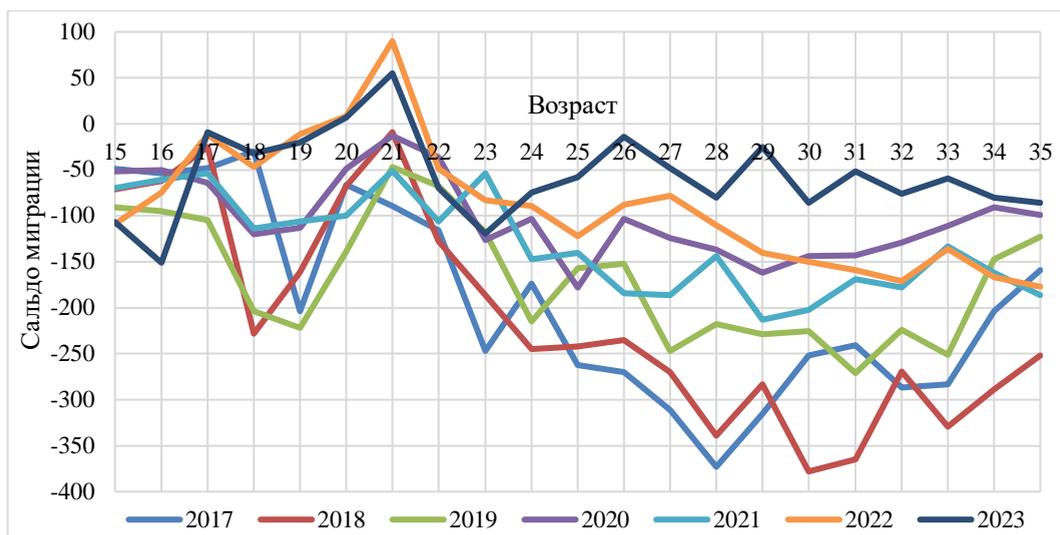
Рис. 2. График сальдо межрегиональной миграции по г. Санкт-Петербургу
Fig. 2. Graph of the balance of interregional migration in the city of St. Petersburg

Источник: составлено автором по данным Росстата¹¹

Отдельно следует выделить «балансовый» регион, в котором околонулевое сальдо миграции 18-летних, равно как и практически уравнивающие друг друга показатели «возвратной миграции». Необходимо отметить, что уменьшение миграционных потоков в 2020 г. привело значительную часть регионов России к состоянию, близкому к «балансу». Характерный пример «балансового региона» – Саратовская область (рис. 3). Нет резких пиков и впадин на графике в отношении 18 и 21-летних. Однако присутствует отрицательный миграционный поток в более старших возрастных категориях молодежи в 2017 г.

Замкнутый регион – прежде всего территория с традиционно с низким уровнем оттока и притока 18-летних и показателями возвратной миграции, как правило – это национальные республики в составе Российской Федерации.

¹¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

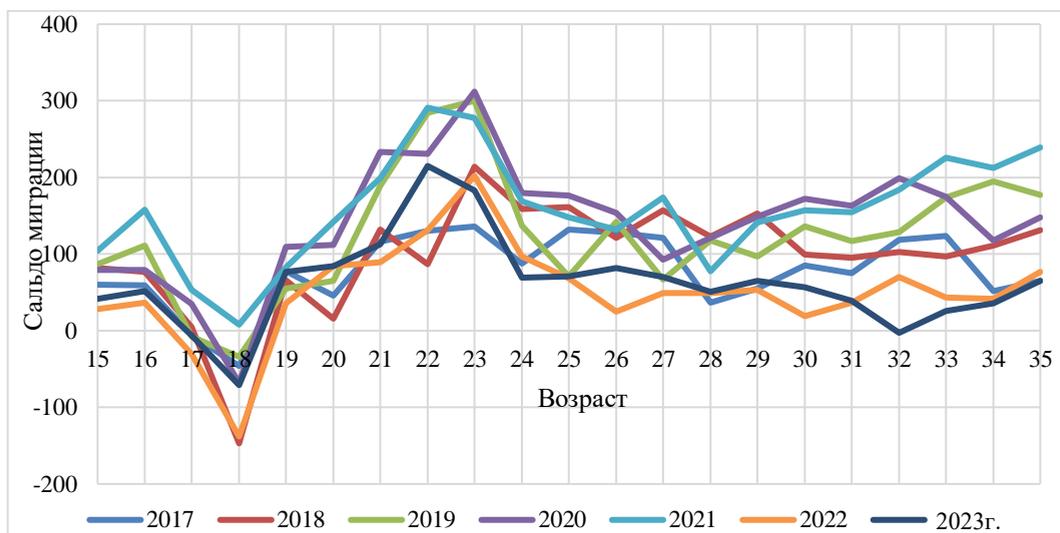

Рис. 3. График сальдо межрегиональной миграции по Саратовской области

Fig. 3. Graph of the balance of interregional migration of the Saratov region

Источник: составлено автором по данным Росстата¹²

Должное внимание стоит обратить на Калининградскую область с невысоким оттоком 18-летних и существенным притоком 23-летних, особенно в 2020 г. (рис. 4). Предположительно, это может быть связано с «транзитным» статусом региона с ориентацией последующих перемещений на страны Европы.

Рис. 4. График сальдо межрегиональной миграции по Калининградской области

Fig. 4. Graph of the balance of interregional migration of the Kaliningrad region.

Источник: составлено автором по данным Росстата¹³

¹² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

¹³ Там же.

И «регион-акцептор», и «транзитный» регион привлекательны для мигрантов, но для уточнения статусов необходимы дополнительные исследования на предварительно выявленных примерах с привлечением иных источников данных. «Транзитные» и «замкнутые» регионы являются специфическими трудно идентифицируемыми категориями.

Ситуация 2020 г. вследствие пандемии COVID-19 и ограничения миграционных потоков привела к переходу значительной части регионов в «балансовое» состояние. Однако в 2023 г. возврата к картине образца 2017 г. не произошло. Число «акцепторов» осталось прежним, число «доноров» сократилось, большинство регионов сместилось в сторону «балансового» статуса. Подробные таблицы по статусам регионов представлены в Приложении 1. С одной стороны, изменение картины может быть отложенным влиянием пандемии и ограничительных мер, с другой – следствием инициатив по выделению дополнительных мест на региональном уровне, повышения внимания к системе образования в целом.

Особняком в данной группе находится Белгородская область. В 2020 г. регион с позиции «донора» перешел в состояние «акцептора», дальнейший тренд предполагал закрепление в этой категории. Но в 2023 г. регион опять стал «донором» по вполне очевидной причине чрезвычайных обстоятельств, связанных с приграничным статусом и возникшими рисками на фоне террористических угроз и атак со стороны сопредельного государства. Вероятно, что 2024 г. так же может негативно сказаться на статусе Белгородской, Курской и Воронежской областей применительно к межрегиональной молодежной миграции. Возвращение регионов к категории «акцепторов» молодежной миграции или достижению «балансового» состояния произойдет с прекращением действия чрезвычайных обстоятельств.

Определенная негативная трансформация произошла с г. Севастополем: его привлекательность уменьшилась в 2023 г. до «балансового» состояния. Город перестал быть «акцептором», вероятно, по аналогии с Белгородской областью и причинам, связанным с приграничным статусом и текущим геополитическим конфликтом. Возврат к статусу «акцептора» может произойти после прекращения действия внешнеполитических обстоятельств.

Ухудшились позиции Свердловской области (регион из «акцептора» стал «донором» миграции 18-летних).

Еврейская автономная область в 2020 г. из чистого «донора» перешла в «балансовое» состояние и сохранила его в 2023 г. Аналогичный путь проделали Калужская Кировская и Курская области (в последнем случае по итогам 2024 г. возможны негативные изменения).

Очень серьезный путь проделал Красноярский край¹⁴, став чистым «акцептором» в 2023 г. Аналогичное «повышение» категории произошло и в Республике Татарстан – от «балансового» состояния к «акцептору» в 2023 г.. Похожую траекторию прошли Ростовская (из «балансового» состояния в «акцепторы») и Самарская (из «донора» в «балансовое» состояние) области.

---

¹⁴ Здесь можно предположить повышение эффективности работы вузов и региональных властей на фоне увеличения контрольных цифр приема. Каждый регион требует дополнительного изучения обстоятельств.

Ухудшил свои позиции один из прежних лидеров по привлекательности для обучения – Новосибирская область¹⁵ (в 2020 г. лидер по оттоку, с «акцептора» до «балансового» состояния).

Практически не изменила своего статуса Томская область с большими прибывающими и выбывающими потоками миграции. Аналогично в 2023 г. сохранили свою привлекательность Ярославская, Ивановская и Воронежская области.

Наибольшее количество контрольных цифр приема, за исключением столичных центров, в 2022 г. было направлено в крупные научно-образовательные регионы: Республику Татарстан, Свердловскую область, Ростовскую область, Новосибирскую область, Республику Башкортостан, Томскую область и Красноярский край. В целом акцент в распределении контрольных цифр приема на 2022/2023 учебный год сделан на регионы – 73,3%¹⁶. Так, некоторые из регионов смогли воспользоваться полученной возможностью, перейдя на ступень выше: от «донора» к «балансовому» состоянию и далее – к «акцептору». В то же время другие регионы, вероятно, (в каждом случае необходимо дополнительное изучение причин и выявление внешних факторов) воспользовались этим преимуществом не в полной мере, что является основанием для перерасчетов контрольных цифр приема на последующий период в пользу территорий и вузов, где наблюдается повышенный спрос и миграционная привлекательность.

Если оценивать результаты по крайним датам за 2017 и 2023 гг. (за вычетом «аномального» 2020 г.), то свой статус поменяли 24 региона. 16 его улучшили. 12 из «доноров» стали «балансовыми». 3 из «балансового» статуса превратились в «акцепторы». 2 региона из «доноров» перешли в категорию «замкнутых». 6 регионов ухудшили свой статус: 4 – с «акцептора» на «балансовый», 1 – с «балансового» на «донора», 1 из «акцептора» стал «донором».

С учетом разных методик расчетов и используемых источников данных возможны иные критерии разделения регионов по типам. К примеру, по численности поступивших студентов, количеству выпускников школ с определением «показателей востребованности региональной системы высшего образования» [22, с. 9] и дальнейшей оценки не только миграции абитуриентов, но и выпускников с учетом перспектив их трудоустройства [23]. Очевидно, что объективную оценку типологии регионов можно получить на основе сравнения данных за большой период времени. Только данных по миграции (ограничены эффективностью миграционного учета в регионах) или форм «ВПО-1» (нет ссылок на источники миграции) для этого недостаточно.

Выводы

Для создания реалистичной типологии необходимо использовать как данные официальной статистики, данные «ВПО-1» и другие источники, с проведением кластеризации регионов по выявленным признакам.

---

¹⁵ Вероятно, уменьшение эффективности работы вузов и региональных органов власти или воздействие иных факторов, на фоне объективного роста контрольных цифр приема.

¹⁶ Минобрнауки России объявило результаты распределения бюджетных мест на 2022/2023 год // Министерство образования и науки Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/33254/> (дата обращения: 05.08.2024).

Дальнейшее исследование межрегиональной молодежной миграции дает возможность выхода на количественные оценки усилий государства по развитию вузов в регионах, по оценке эффективности и результативности работы их руководства. Ключевой вывод таков: смена статуса с «донора» на «балансовый» или на промежуточную стадию и с «балансового» на «акцептора» – показатель эффективности использования дополнительных бюджетных средств, результативности политики по развитию вузов в регионах Российской Федерации.

Образовательная миграция – это всегда преимущество и выгоды для вузов и регионов, работа с ней на региональном и федеральном уровне не должна носить «запретительный» характер. В этой связи вызывают опасения формулировки исследований и разрабатываемых на их основе нормативных актов наподобие: «решение задач закрепления молодых специалистов, демографического воспроизводства» [24, с. 43], «профилактика молодежной миграции» [25, с. 624], «инструмент удержания» [26, с. 11], «политика по закреплению молодежи» [27, с. 90], «обеспечение оседлости» [28, с. 48] «сдерживание межрегиональной учебной миграции» [29, с. 71] и прочие, направленные против естественной межрегиональной образовательной миграции. Формирование «региональной лояльности» [30, с. 238] представляется более нейтральным, но все же не идеальным термином.

При реализации государственной политики в сфере миграции и высшего образования необходимо смещение акцентов на развитие потенциала молодежи [31] и использование энергии молодежного мигрантопотока. Сам факт межрегиональной миграции может быть поставлен на службу регионам: он снизит интерес молодежи к деструктивной социально-политической активности. Если молодой человек не находит себе места в локальном сообществе (опять же в силу замкнутости или высокой конкуренции при ограниченном количестве ресурсов), вариант образовательной миграции в регион с большим потенциалом является на самом деле благом для «региона-донора», который всегда может рассчитывать как на «возвратную миграцию», так и на переезд уже состоявшегося человека, специалиста с опытом, капиталом, новыми связями и знаниями.

Вместо ограничительных мер, препятствующих образовательной миграции, следует создавать условия для «возвратной миграции», получения регионом статуса «акцептора» образовательной миграции или хотя бы «транзитного региона» и «транзитного вуза» [32].

Образовательная миграция является следствием снижения образовательной доступности и сокращения (оптимизации) вузовской среды [33]. Отсутствие образовательных организаций по выбранной профессии или специальности в населенном пункте, где молодежь оканчивает школу, становится основной причиной образовательной миграции [34, с. 61]; «молодежь выбирает вуз другого региона в надежде, что будет легче найти работу, соответствующую их желанию» [35, с. 78].

Результаты проведенного нами исследования показывают, что увеличение контрольных цифр приема в вузы для регионов может способствовать повышению привлекательности субъектов Российской Федерации для межрегиональной образовательной миграции, снятия диспропорций и уменьшения «западного дрейфа», но только при условии эффективного использования выделяемых средств. Созда-

ние благоприятных условий для обучения и развития молодежи, а также поддержка ее профессионального и личностного роста должны быть приоритетами при целеполагании и реализации программ развития образовательных организаций. Повышение эффективности работы с молодежью требует дополнительных ресурсов и организационных усилий, грамотного кадрового подхода и политики в сфере управления вузами.

Дальнейшее направление исследования связано с сопоставлением полученных результатов с агрегированными сведениями формы «ВПО-1» и другими источниками данных с целью уточнения критериев типологии регионов и оценки общей динамики миграции по периодам времени. Вместе с тем объективные сведения именно по образовательной миграции абитуриентов могут быть доступны из двух источников: из материалов, имеющих связь как с результатами итоговой государственной аттестации («регион-донор») и данными приема («регион» и «вуз-акцептор») – «ФИС ГИА и приема» и из «больших данных» статусов социальных сетей абитуриентов, студентов и выпускников вузов и их «цифровых следов» [36, 37]. До их учета расчеты будут носить оценочный характер.

Исследование и его выводы могут использоваться федеральными органами исполнительной власти для оценки последствий перераспределения контрольных цифр приема в вузы, при планировании развития сети вузов. Для образовательных организаций результаты применимы при формировании стратегии развития и маркетинга образовательных услуг с учетом типологии региона и ближайших соседей (источников миграции), при развитии студенческих общежитий, общественных пространств вуза и сопутствующей инфраструктуры, поскольку основной источник данных отражает в первую очередь зарегистрированных на новом месте жительства студентов, а максимальный учет налажен, как правило, именно в них. Фактические данные вузов и данные по численности зарегистрированных студентов могут использоваться при определении потенциального спроса на общежития.

Список литературы

1. *Дождиков, А. В.* Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования / А. В. Дождиков, Е. В. Корнилова // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 67–83. EDN [DUSOSM](#). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83](#).
2. *Корепина, Т. А.* Место и роль образовательной миграции в общей классификации видов миграционного движения населения // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 65–77. EDN [YGHCLZ](#).
3. *Питухин, Е. А.* Анализ межрегиональной мобильности выпускников школ при поступлении в высшие учебные заведения / Е. А. Питухин, А. А. Семенов // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3 (73). С. 82–89. EDN [NYOOIL](#).
4. *Верещагина, А. В.* Интеллектуальная безопасность России в условиях кризиса научно-образовательной сферы и роста социального неравенства / А. В. Верещагина, С. И. Самыгин, С. И. Имгрунт // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18, № 2. С. 52–65. EDN [VSYZAV](#).
5. *Атаева, А. Г.* Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) / А. Г. Атаева, А. Г. Уляева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57. EDN [YUNJOP](#). DOI [10.17223/19988648/44/2](#).
6. *Варшавская, Е. Я.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России / Е. Я. Варшавская, О. С. Чудиновских // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58. EDN [SFEVXX](#).

7. *Захарова, И. В.* Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 7. С. 71–84. DOI. EDN [AMMQJP](#). DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](#).
8. *Питухин, Е. А.* Образовательная миграция в регионах России: статистический подход / Е. А. Питухин, О. А. Зятева, Л. В. Щеголева, В. Е. Соколов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8–9. С. 48–69. EDN [WJNQWD](#). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69](#).
9. *Артеменков, М. Н.* Трансформация образовательных стратегий выпускников школ в условиях распространения коронавируса COVID-19: региональный аспект / М. Н. Артеменков, Е. Е. Сухова // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 111–120. EDN [PAFJZK](#). DOI [10.5922/1994-5280-2020-2-9](#).
10. *Вишневский, А. Г.* Демографические вызовы России. Часть третья – миграция / А. Г. Вишневский, М. Б. Денисенко, Ж. А. Зайончковская, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. С. 1–10. EDN [ZXLTPV](#).
11. *Воробьева, О. Д.* Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России / О. Д. Воробьева, А. А. Субботин // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 32–41. EDN [MZJJEC](#). DOI [10.19181/lspr.2021.17.1.3](#).
12. *Питухин, Е. А.* Управление потоками межрегиональной образовательной миграции выпускников / Е. А. Питухин, А. А. Семенов // Экономика и управление. 2014. № 7 (105). С. 64–69. EDN [SNOAYP](#).
13. *Никипорец-Такигава, Г. Ю.* К вопросу о взаимообусловленности молодежной политики и миграционных потоков в России / Г. Ю. Никипорец-Такигава, А. А. Михаленко, А. Ю. Музалевская // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 1 (40). С. 76–85. EDN [QKTFXV](#).
14. *Калашникова, С. К.* Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики / С. К. Калашникова, И. И. Андриив // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 486–499. EDN [QJHJPF](#). DOI [10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499](#).
15. *Раззаков, Д. И.* Взаимосвязь рейтинга университетов с межрегиональной образовательной миграцией в России // Вестник науки. 2022. Т. 3, № 12 (57). С. 225–231. EDN [XEHMVB](#).
16. *Клячко, Т. Л.* Миграционная мобильность российской молодежи обусловлена образовательными приоритетами / Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 10. С. 61–63. EDN [HMALBL](#).
17. *Тропынина, Н. Е.* Тенденции и причины межрегиональной образовательной миграции на примере Забайкальского края / Н. Е. Тропынина, Б. Б. Нимаева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. Т. 2, № 7 (33). С. 197–201. EDN [YPNDVJ](#).
18. *Гарафиев, И. З.* Типологизация регионов РФ на основании уровня межрегиональной образовательной мобильности в системе высшего образования // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12 (188). С. 91–97. EDN [JLJXPK](#). DOI [10.24158/tpor.2023.12.9](#).
19. *Габдрахманова, Г. Ф.* Образы университета и города в миграции иногородних студентов: региональный кейс // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 116–138. EDN [NRQEXK](#). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138](#).
20. *Чернышев, К. А.* Образовательные миграции в Сибири: исследование на основе данных социальной сети / К. А. Чернышев, Т. Р. Мирязов, Е. Ю. Петров // Географический вестник. 2023. № 4 (67). С. 41–51. EDN [MCBQOB](#). DOI [10.17072/2079-7877-2023-4-41-51](#).
21. *Дождиков, А. В.* Образовательная миграция в Республике Мордовия // Регионология. 2023. Т. 31, № 1 (122). С. 182–198. EDN [EPJCGK](#). DOI [10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198](#).
22. *Козлов, Д. В.* Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д. В. Козлов, Д. П. Платонова, О. В. Лешуков // Современная аналитика образования. 2017. № 4(12). С. 4–28.
23. *Габдрахманов, Н. К.* «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н. К. Габдрахманов, Н. Ю. Никифорова, О. В. Лешуков // Современная аналитика образования. 2019. № 5(26). С. 4–42. EDN [FYIYZV](#).
24. *Козлова, К. С.* Проблемы миграции молодежи в контексте реализации государственной молодежной политики в Приморском крае / К. С. Козлова, В. А. Андреев, Е. В. Султанова // Фундаментальные исследования. 2021. № 10. С. 43–48. EDN [BCRXSZ](#). DOI [10.17513/fr.43107](#).
25. *Некрасов, Н. А.* Социальная ответственность частных компаний и профилактика миграции молодежи в регионе присутствия // Форум молодых ученых. 2019. № 12 (40). С. 624–633. EDN [HILKZE](#).

26. *Бондарев, И. В.* Молодежная политика Калужской области как инструмент удержания молодежи в регионе: состояние, проблемы и перспективы // Гуманитарный акцент. 2022. № 2. С. 11–20. EDN [OYWXQJ](#).

27. *Гемадеева, Ю. Э.* Социально-экономическая политика по закреплению молодежи на селе в Республике Татарстан // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4, № 2 (134). С. 90–94. EDN [QGIABY](#). DOI [10.36871/ek.up.p.r.2023.02.04.011](#).

28. *Окорокова, М. П.* Развитие человеческого капитала молодежи в рамках стратегии развития муниципального образования (на материалах Республики Саха (Якутия)) / М. П. Окорокова, Т. А. Максимова // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 48–52. EDN [UYSBYZ](#). DOI [10.24158/per.2019.11.7](#).

29. *Захарова, И. В.* Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 7. С. 71–84. EDN [AMMQJP](#). DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](#).

30. *Петрова, М. Д.* Миграционная молодежная политика: к определению понятия «региональная лояльность» / М. Д. Петрова, Е. В. Малкова // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 238–250. EDN [REPILW](#).

31. *Алексеев, С. В.* Молодежная политика как механизм развития потенциала молодежи в современном мире // PolitBook. 2022. № 4. С. 43–56. EDN [WUVCBG](#).

32. *Санникова, О. В.* Транзитный университет как фактор межрегиональной образовательной миграции / О. В. Санникова, В. Ю. Хотинец // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 1. С. 41–45. EDN [VYKZQG](#).

33. *Габдрахманов, Н. К.* Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах / Н. К. Габдрахманов, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, О. В. Лешуков // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. EDN [ANWKLZ](#). DOI [10.17323/1814-9545-2022-2-88-116](#).

34. *Клячко, Т. Л.* Образовательная миграция: основные причины / Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 12. С. 60–63. EDN [GWEJIZ](#).

35. *Ислакаева, Г. Р.* Образовательная межрегиональная миграция: причины и социально-экономические следствия // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 77–88. EDN [XCGSJL](#).

36. *Митягина, Е. В.* Цифровые следы выпускников вузов при исследовании миграции из регионов-доноров / Е. В. Митягина, Е. В. Конышев, К. А. Чернышев, Э. Р. Сайфулин // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 144–155. EDN [GCQDCH](#). DOI [10.17223/15617793/467/18](#).

37. *Габдрахманов, Н. К.* Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов / Н. К. Габдрахманов, В. В. Орлова, Ю. К. Александрова // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 106–114. EDN [IJYMZD](#). DOI [10.17223/15617793/467/14](#).

Сведения об авторе

Дожиков Антон Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: antondnn@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1069-1648](#); РИНЦ SPIN-код: [2208-1891](#); Scopus Author ID: [57221684847](#).

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; принята в печать 23.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

INTERREGIONAL MIGRATION OF YOUTH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Anton V. Dozhdikov

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: antondnn@yandex.ru

For citation: Dozhdikov, Anton V. Interregional Migration of Youth in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 119–137. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8).

Abstract. The subject of the study is interregional migration of young people in the Russian Federation during the period of obtaining higher education; The topic of the study is the change in the migration attractiveness of regions for higher education; research hypothesis: there has been a change in the centers of gravity of migration flows and the status of regions from 2017 to 2020 and 2023 due to the impact of the pandemic and government measures to increase the attractiveness of universities in the regions. Source data includes official government statistics for the period from 2017 to 2023. The article identifies limitations on the use of this source (migration of 18-year-olds and migration of 21-year-olds is not identical to direct and return educational migration) and formulates a thesis about the need to use aggregated data of «digital traces» of applicants and graduates and federal information systems. An assessment of changes in the status of regions for 2017, 2020 and 2023 was carried out. The study makes assumptions about the possibility of using tools for objective monitoring of interregional educational migration of applicants to improve the work of universities. It is necessary to concentrate the efforts of the regional authorities of the «donor» region and the regional university community on first obtaining «transit» status for the university and the region, followed by transition to the «acceptor» category. For 2017, the author identified 12 «acceptor» territories, 59 «donor territories» (the rest were mixed and intermediate forms). In 2020, there were only 30 «donors», 12 «acceptors», 37 – they reached conditional «balance» positions – this is how the COVID-2019 pandemic affected interregional migration. In 2023, there were 12 «acceptors» in the Russian Federation (the list has changed slightly), the number of «donors» was 46, 21 territories reached a «balance» state, the rest still belong to intermediate types.

Keywords: youth interregional migration, educational migration, migration donors, migration acceptors, transit universities, university management, return migration

References

1. Dozhdikov, A. V. Educational Migration of Applicants Between Regions of the Russian Federation as a Source of Data for Planning the Development of the Higher Education System / A. V. Dozhdikov, E. V. Kornilova. *Higher education in Russia*. 2023. Vol. 32, No. 3. Pp. 67–83. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83). (In Russ.).
2. Korepina, T. A. Place and Role of Educational Migration in the General Classification of Types of Migration Movement of the Population. *Vestnik NSUEM*. 2018. No. 3. Pp. 65–77. (In Russ.).
3. Pitoukhin, E. A. Analysis of Inter-Regional Mobility of School-Leavers Entering to Universities / E. A. Pitoukhin, A. A. Semenov. *University Management: Practice and Analysis*. 2011. No. 3 (73). Pp. 82–89. (In Russ.).
4. Vereshchagina, A. V. Intellectual Security of Russia in Terms of Science and Educational Crisis and Growth of Social Inequality / A. V. Vereshchagina, S. I. Samygin, S. I. Imgrunt. *Humanities of the South of Russia*. 2016. Vol. 18, No. 2. Pp. 52–65. (In Russ.).
5. Ataeva, A. G. Modern Trends and Factors of Inter-Regional Migration of Youth in Russia / A. G. Ataeva, A. G. Ulyayeva. *Tomsk State University Journal of Economy*. 2018. No. 44. Pp. 38–57. DOI [10.17223/19988648/44/2](https://doi.org/10.17223/19988648/44/2). (In Russ.).
6. Varshavskaya, E. Ya. Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions / E. Ya. Varshavskaya, O. S. Chudinovskikh. *Moscow University Economic Bulletin*. 2014. No. 3. Pp. 36–58. (In Russ.).
7. Zakharova, I. V. The Role of Universities in Curbing Interregional Educational Migration. *Higher Education in Russia*. 2019. Vol. 28, No. 7. Pp. 71–84. DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84). (In Russ.).
8. Pitoukhin, E. A. Educational Migration in Russian Regions: Statistical Approach / E. A. Pitoukhin, O. A. Zyateva, L. V. Shchegoleva, V. E. Sokolov. *Higher Education in Russia*. 2023. Vol. 32, No. 8–9. Pp. 48–69. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69). (In Russ.).

9. Artemenkov, M. N. Transformation of School Graduates' Educational Strategies in the Context of Coronavirus COVID-19: Regional Dimension / M. N. Artemenkov, E. E. Sukhova. *Regional'nye Issledovaniya [Regional studies]*. 2020. No. 2 (68). Pp. 111–120. DOI [10.5922/1994-5280-2020-2-9](https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-9). (In Russ.).
10. Vishnevsky, A. G. Demograficheskiye vyzovy Rossii. Chast' tret'ya – migratsiya [Demographic challenges of Russia. Part three – migration] / A. G. Vishnevsky, M. B. Denisenko, Zh. A. Zayonchkovskaya, N. V. Mkrtychyan. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 753–754. Pp. 1–10. (In Russ.).
11. Vorobyova, O. D. Historical Aspects and Modern Features of Internal Migration in Russia / O. D. Vorobyova, A. A. Subbotin. *Living Standards of the Population of Russian Regions*. 2021. Vol. 17, No. 1. Pp. 32–41. DOI [10.19181/lspr.2021.17.1.3](https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.3). (In Russ.).
12. Pitukhin, E. A. Inter-Regional Migration of Educational Graduates in the Russian Federation / E. A. Pitukhin, A. A. Semenov. *Economics and Management*. 2014. No. 7 (105). Pp. 64–69. (In Russ.).
13. Nikiporets-Takigawa, G. Yu. K voprosu o vzaimoobuslovlennosti molodezhnoy politiki i migratsionnykh potokov v Rossii [On the issue of the interdependence of youth policy and migration flows in Russia] / G. Yu. Nikiporets-Takigawa, A. A. Mikhaleiko, A. Yu. Muzalevskaya. *Issues of National and Federal Relations*. 2018. Vol. 8, No. 1 (40). Pp. 76–85. (In Russ.).
14. Kalashnikova, S. K. Heuristic Potential of Applying the Assessment Index to Regional Public Programs in the Field of Youth Policy / S. K. Kalashnikova, I. I. Andriiv. *RUDN Journal of Political Science*. 2023. Vol. 25, No. 2. Pp. 486–499. DOI [10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499). (In Russ.).
15. Razzakov, D. I. Relationship of University Ranking with Interregional Educational Migration in Russia. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2022. Vol. 3, No. 12 (57). Pp. 225–231. (In Russ.).
16. Klyachko, T. L. Migration Mobility of Russian Youth is Justified by Educational Priorities / T. L. Klyachko, E. A. Semionova. *Economic Development of Russia*. 2021. Vol. 28, No. 10. Pp. 61–63. (In Russ.).
17. Tropynina, N. E. Trends and Causes of Interregional Educational Migration on the Example of Zabaikalsky Krai / N. E. Tropynina, B. B. Nimaeva. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya [Innovative economics: prospects for development and improvement]*. 2018. Vol. 2, No. 7 (33). Pp. 197–201. (In Russ.).
18. Garafiev, I. Z. Typology of Centers of Interregional Educational Mobility in the Higher Education System of the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*. 2023. No. 12 (188). Pp. 91–97. DOI [10.24158/tpor.2023.12.9](https://doi.org/10.24158/tpor.2023.12.9). (In Russ.).
19. Gabdrakhmanova, G. F. The University and City Images for Migration of Nonresident Students: A Regional Case. *Higher Education in Russia*. 2023. Vol. 32, No. 6. Pp. 116–138. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138). (In Russ.).
20. Chernyshev, K. A. Educational Migration in Siberia: Research Based on Social Network Data / K. A. Chernyshev, T. R. Miryazov, E. Yu. Petrov. *Geographical Bulletin*. 2023. No. 4 (67). Pp. 41–51. DOI [10.17072/2079-7877-2023-4-41-51](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-4-41-51). (In Russ.).
21. Dozhdikov, A. V. Educational Migration in the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023. Vol. 31, No. 1 (122). Pp. 182–198. DOI [10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198](https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198). (In Russ.).
22. Kozlov, D. V. Gde učit'sya i gde rabotat': mezhhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusknikov universitetov [Where to study and where to work: interregional mobility of students and university graduates] / D. V. Kozlov, D. P. Platonova, O. V. Leshukov. *Sovremennaya analitika obrazovaniya [Modern education analytics]*. 2017. No. 4 (12). Pp. 4–28. (In Russ.).
23. Gabdrakhmanov, N. K. Educational Migration of Youth in Russia / N. K. Gabdrakhmanov, N. Yu. Nikiforova, O. V. Leshukov. *Sovremennaya analitika obrazovaniya [Modern education analytics]*. 2019. No. 5 (26). Pp. 4–42. (In Russ.).
24. Kozlova, K. S. Problems of Youth Migration in the Context of Implementation of the State Youth Policy in Primorsky Krai / K. S. Kozlova, V. A. Andreev, E. V. Sultanova. *Fundamental Research*. 2021. No. 10. Pp. 43–48. DOI [10.17513/fr.43107](https://doi.org/10.17513/fr.43107). (In Russ.).
25. Nekrasov, N. A. Social Responsibility of Private Companies and Prevention of Youth Migration in the Region of Presence. *Forum of Young Scientists*. 2019. No. 12 (40). Pp. 624–633. (In Russ.).
26. Bondarev, I. V. Youth Policy of the Kaluga Region as a Tool to Keep Youth in the Region: Condition, Problems and Perspectives. *Humanitarian accent*. 2022. No. 2. Pp. 11–20. (In Russ.).
27. Gemadeeva, Yu. E. Socio-Economic Policy for the Consolidation of Youth in Rural Areas in the Republic of Tatarstan. *Economics and management: problems, solutions*. 2023. Vol. 4, No. 2 (134). Pp. 90–94. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2023.02.04.011](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.02.04.011). (In Russ.).
28. Okorokova, M. P. Development of the Human Capital of Youth Within the Framework of the Development Strategy of Municipality (Based on Materials of the Republic of Sakha (Yakutia)) / M. P. Okorokova, T. A. Maksimova. *Society: Politics, Economics, Law*. 2019. No. 11 (76). Pp. 48–52. DOI [10.24158/pep.2019.11.7](https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.7). (In Russ.).

29. Zakharova, I.V. Containing interregional educational migration: the role of universities / I.V. Zakharova. *Higher education in Russia*. 2019. Vol. 28, No. 7. Pp. 71–84. DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84). (In Russ.).
30. Petrova, M. D. Migration Youth Policy: To Definition of the Concept “Regional Loyalty” / M. D. Petrova, E. V. Malkova. *Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice*. 2019. No. 1 (3). Pp. 238–250. (In Russ.).
31. Alekseev, S. V. Youth Policy as a Mechanism of Youth Potential Development in the Modern World. *PolitBook*. 2022. No. 4. Pp. 43–56. (In Russ.).
32. Sannikova, O. V. Transit University as a Factor of Interregional Educational Migration / O. V. Sannikova, V. Yu. Khotinets. *Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2017. Vol. 27, No. 1. Pp. 41–45. (In Russ.).
33. Gabdrakhmanov, N. K. Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes / N. K. Gabdrakhmanov, L. B. Karachurina, N. V. Mkrtchyan, O. V. Leshukov. *Educational Studies*. 2022. No. 2. Pp. 88–116. DOI [10.17323/1814-9545-2022-2-88-116](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116). (In Russ.).
34. Klyachko, T. L. Educational Migration: Driving Factors / T. L. Klyachko, E. A. Semionova. *Economic Development of Russia*. 2021. Vol. 28, No. 12. Pp. 60–63. (In Russ.).
35. Islakaeva, G. R. Educational Interregional Migration: Causes and Socioeconomic Consequences. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016. No. 3 (201). Pp. 77–88. (In Russ.).
36. Mityagina, E. V. A Study of University Graduates’ Migration in Regions with High Migration Outflow: A Digital Footprint Analysis / E. V. Mityagina, E. V. Konyshchev, K. A. Chernyshev, E. R. Saifulin. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. No. 467. Pp. 144–155. DOI [10.17223/15617793/467/18](https://doi.org/10.17223/15617793/467/18). (In Russ.).
37. Gabdrakhmanov, N. K. Migration Behavior of Russian University Students Based on Digital Footprint Data / N. K. Gabdrakhmanov, V. V. Orlova, Yu. K. Aleksandrova. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. No. 467. Pp. 106–114. DOI [10.17223/15617793/467/14](https://doi.org/10.17223/15617793/467/14). (In Russ.).

Bio note

Anton V. Dozhdikov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: antondnn@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1069-1648](https://orcid.org/0000-0002-1069-1648); RSCI SPIN-code: [2208-1891](https://www.spin-ecp.ru/spin/2208-1891); Scopus Author ID: [57221684847](https://orcid.org/57221684847).

Received on 24.06.2024; accepted for publication on 23.08.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

Приложение / Appendix

Таблица 1

Типология субъектов Российской Федерации по салдо миграции молодежи

Table 1

Typology of the subjects of the Russian Federation by the balance of youth migration

Регион	Тип региона		
	в 2017 г.	в 2020 г	в 2023 г.
Алтайский край	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Амурская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Архангельская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Архангельская область (без Ненецкого автономного округа)	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Астраханская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Белгородская область	«Донор»	«Акцептор»	«Донор»
Брянская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Владимирская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Волгоградская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Вологодская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Воронежская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Город Москва	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Город Санкт-Петербург	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Город Севастополь	«Акцептор»	«Акцептор»	«Балансовый»
Еврейская автономная область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Забайкальский край	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Ивановская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Иркутская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Кабардино-Балкарская Республика	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Калининградская область	Транзит	Транзит	Транзит
Калужская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Камчатский край	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Карачаево-Черкесская Республика	Замкнут	Замкнут	Замкнут
Кемеровская область – Кузбасс	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Кировская область	«Донор»	«Донор»	«Балансовый»
Костромская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Краснодарский край	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Красноярский край	«Балансовый»	«Балансовый»	«Акцептор»
Курганская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Курская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Ленинградская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Липецкая область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Магаданская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Московская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Мурманская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ненецкий автономный округ (Архангельская область)	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Нижегородская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Новгородская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Новосибирская область	«Акцептор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Омская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Балансовый»
Оренбургская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Орловская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Пензенская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Пермский край	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Приморский край	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Псковская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Адыгея (Адыгея)	Замкнут	Замкнут	Замкнут
Республика Алтай	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Башкортостан	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Бурятия	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Дагестан	«Донор»	Замкнут	Замкнут

Регион	Тип региона		
	в 2017 г.	в 2020 г	в 2023 г.
Республика Ингушетия	«Донор»	Замкнут	Замкнут
Республика Калмыкия	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Карелия	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Республика Коми	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Крым	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Республика Марий Эл	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Мордовия	Транзит	Транзит	Транзит
Республика Саха (Якутия)	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Северная Осетия-Алания	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Татарстан (Татарстан)	«Балансовый»	«Балансовый»	«Акцептор»
Республика Тыва	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Хакасия	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ростовская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Акцептор»
Рязанская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Балансовый»
Самарская область	«Донор»	«Донор»	«Балансовый»
Саратовская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Балансовый»
Сахалинская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Свердловская область	«Акцептор»	«Донор»	«Донор»
Смоленская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Балансовый»
Ставропольский край	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Тамбовская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Тверская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Томская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Тульская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Тюменская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Тюменская область (кроме ХМАО и ЯНАО)	«Акцептор»	«Донор»	«Балансовый»
Удмуртская Республика	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ульяновская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Донор»
Хабаровский край	«Акцептор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Челябинская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Чеченская Республика	Замкнут	Замкнут	Замкнут
Чувашская Республика - Чувашия	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Чукотский автономный округ	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область)	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ярославская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»